

### Глава 13. Тайное искусство призыва душ

Турнир на Платформе Нефритового Дракона продолжался уже больше десяти дней, и сюда съехались торговцы со всех окрестных земель. Вокруг царило небывалое оживление.

Весть о недавнем поединке быстро разнеслась по округе, прибавив Ши Цинъяню ещё больше очков репутации.

Он, как Дитя удачи, с его привлекательной внешностью и трагической судьбой, вызывал у людей искреннюю симпатию. По пути юноше встречалось множество дружелюбных заклинателей.

Все, кто видел молодого господина Ши, в один голос восхищались:

— Он воистину юный гений, талантливый и прекрасный!

Вот только... что за странная фигура рядом с ним, с головы до ног закутанная в лазурную вуаль?

Наряд был необычным, и это лишь распалило любопытство: что же за лицо скрывается под этой тканью?

В толпе было тесно, и одного молодого заклинателя толкнули прямо на загадочную фигуру.

Ши Цинъянь молниеносно среагировал, схватив его за воротник и оттащив в сторону. Лицо бедолаги залилось краской, он стоял, ошеломлённый, а тело его горело, словно в лихорадке.

Мимолётный взгляд — и он словно побывал в обители бессмертных.

Увидев такую красоту, можно и умереть без сожалений.

Красивое лицо Ши Цинъяня омрачилось. Он наклонился к уху незнакомца, и его голос зазвучал с ледяной угрозой:

— Ещё раз сунешься, куда не следует, — я вырву тебе глаза.

Этот юноша и прежде не отличался покладистым нравом, и его холодный тон действовал весьма убедительно.

Незнакомец побледнел от ужаса и замер.

Но тут фигура в лазурном тихо рассмеялась, и этот смех снова вскружил несчастному голову.

Дрожа в руках Ши Цинъяня, заклинатель не мог отвести восторженного взгляда от лазурного силуэта.

— Вам... вам не нужна собачка?..

Не успел он договорить, как Ши Цинъянь швырнул его прочь.

[Чему ты смеёшься?]

Система 001 заподозрила, что у Цин Чаньюя снова проснулась его дурная привычка соблазнять всех подряд.

— Смотрю, какой Ши Цинъянь грозный. Забавно, — ответил Цин Чаньюй.

«001 с горечью подумала, что давно утратила перед ним всякое достоинство. Попытки изобразить строгость привели бы лишь к тому, что он её просто заблокирует»

Наконец они добрались до постоянного двора. Слуга записал их и принёс арахис с чаем.

Он то и дело косился на Цин Чаньюя, но тот не спешил снимать свою шляпу с вуалью, а лицо его спутника было мрачным и пугающим. Вздохнув, слуга закрыл за собой дверь.

Как только он ушёл, Ши Цинъянь достал из хранилища комплект постельного белья из лучшего небесного шёлка и перестелил кровать. Убедившись, что ткань мягкая и приятная на ощупь, он успокоился.

Обернувшись, он увидел, что Цин Чаньюй снял шляпу. Юноша замер на мгновение и позвал:

— Братец Чаньюй.

Взору открылось лицо, прекрасное, как цветок гибискуса или драгоценный нефрит. В проникающем сквозь оконную раму свете оно казалось особенно чистым.

Цин Чаньюй склонил голову набок.

— М?

Ши Цинъянь до этого момента чувствовал вину за то, что из-за его слабости Цин Чаньюю

пришлось сражаться на Платформе Нефритового Дракона.

Но сейчас, видя его спокойствие, он неуверенно предположил, что наставник в хорошем настроении. Неужели ему нравится сражаться?

Юноша был ещё слишком мал и не знал, что в былые времена Цин Чаньюй заслужил звание первого в мире именно тем, что с мечом в руках прошёл по всем горам и пещерам, вызывая на бой каждого достойного противника.

Возможно, даже сам Цин Чаньюй не осознавал, с каким энтузиазмом он относится к битвам.

Не понимая, почему собеседник позвал его и замолчал, Цин Чаньюй спросил:

— Что-то случилось?

Ши Цинъянь опустил глаза и смущённо произнёс:

— Просто мне кажется, что это место недостойно вас.

Такой постоялый двор молодой господин в прошлом даже не удостоил бы взглядом.

Семья Ши была великим кланом, и их богатства были несметны. Естественно, и запросы у них были иными. Прежде любое его путешествие было обставлено с предельной роскошью.

В его глазах Цин Чаньюй унился до такого скромного места лишь ради него.

И пусть это была лучшая комната, наставник заслуживал жить в роскоши, чтобы ему поклонялись, как нефритовой статуе, и оберегали от любой пылинки.

Поэтому юноше было стыдно.

[Он прав, это место недостойно Чаньюя]

001 выразила редкое для неё согласие с посторонним.

Был час заката, и мягкий свет делал лицо Ши Цинъяня особенно милым.

«Этот ребенок, он воистину почтительный»

Цин Чанъюй с умилением поделился своими мыслями с системой.

[...]

У Ши Цинъяня не осталось в этом мире старших. И хотя Цин Чанъюй формально не был его наставником, он обучал его техникам, так что вполне естественно, что юноша перенёс на него свою сыновнюю преданность.

— Доставай тело Ци Чанфэна и кровь Линъяня, — сказал Цин Чанъюй. — Я призову для тебя их души.

Нельзя же принимать почтение и ничего не делать взамен.

Хотя Ши Цинъянь и догадывался, что задумал Цин Чанъюй, он всё равно был поражён.

Искусство призыва душ. Лишь немногие заклинатели могли овладеть им. Это требовало врождённого таланта, куда более редкого, чем дар к предсказаниям. Он лишь слышал об этой тайной технике, но никогда не видел её воочию.

А Цин Чанъюй говорил об этом так, словно речь шла о чём-то обыденном, и уже начал готовить алтарь и чертить формацию.

Они находились на месте смерти Ци Чанфэна и Линъяня, их души ещё не рассеялись и сохранили разум, что было очень удобно для ритуала.

Цин Чанъюй накрыл всю комнату защитным барьером, чтобы никто не смог подглядеть.

Души умерших хрупки, одно неверное движение — и они развеются без следа.

— Я буду рядом, — сказал Цин Чанъюй. — А ты спрашивай.

На кончиках его пальцев заплясал призрачный огонёк, а зрачки потемнели, отчего взгляд стал леденящим, словно у прекрасного демона.

Десятки талисманов повисли в воздухе. Красные нити протянулись от них к телу и флакону с кровью, и в комнате сами собой начали появляться таинственные письмена.

Искусство призыва душ не считалось тёмной магией, но метод Цин Чанъюя кардинально отличался от того, которому учили в праведных сектах.

Проще говоря, праведные заклинатели «приглашали» душу, но не всегда могли призвать

нужную. Цин Чаньюй же, используя нити причинно-следственной связи, находил нужного духа напрямую и с абсолютной точностью.

Люди боятся того, чего не понимают. В своё время именно из-за этой техники его и обвинили в некромантии и злодеяниях.

— Восстань!

По его приказу тело дёрнулось, и над ним начал сгущаться белый туман. Вокруг флакона с кровью тоже постепенно обретала форму призрачная фигура.

Едва очнувшись, душа Ци Чанфэна тут же схватилась за свою сломанную шею.

Осознав, что он мёртв, он в ужасе уставился на них:

— Как вы смеете так поступать со мной! Я — внутренний ученик секты Уцзи, первый ученик старейшины! Секта Уцзи не простит вас! Мой наставник...

— Твой наставник?

Голос Ци Чанфэна оборвался.

Голос Цин Чаньюя был мелодичным, но в нём слышались смешки. Он поднял руку и помахал флаконом с кровью.

— ...здесь.

Туманная фигура рядом с флаконом обрела черты заклинателя Линьиня.

Его душа издавала лишь нечленораздельные звуки, не в силах вымолвить ни слова.

Искусство поиска души лишило его разума. Сила И Ванчэня была столь велика, что, хотя душа Линьиня и вернулась, она была безумна.

— Ты... ты... — Ци Чанфэн наконец не выдержал. Его охватил первобытный ужас. Этот человек с лицом небожителя был настоящим чудовищем!

Будучи призраком, он острее чувствовал исходящую от него ужасающую мощь. Одно движение руки — и он «исчезнет» навсегда.

Ци Чанфэн содрогнулся и в отчаянии повернулся к Ши Цинъяню, умоляя:

— Пощади меня, пощади! Цинъянь, мы ведь в детстве играли вместе, не надо...

Но в глазах юноши плясали зловещие огоньки, словно у демона-асуры.

Ци Чанфэн вдруг вспомнил, что этот Ши Цинъянь и раньше был не из приятных — гордый, заносчивый, никого не ставящий ни в грош.

Всё кончено. Перед ним были два безжалостных злодея!

Ши Цинъянь приблизился к нему и спросил:

— Что на самом деле произошло в тот день?

Ци Чанфэн только подумал солгать, как его пронзила невыносимая боль, и он, не в силах сопротивляться, выложил всё как на духу:

— Это не я! Это наставник Линъинь взял меня с собой! Он сказал, что какому-то великому человеку нужно много крови для его техник... чем выше уровень совершенствования, тем лучше, чем больше людей, тем лучше! Я... я просто на мгновение поддался искушению, вырвал твоё Золотое Ядро и продал тебя в Павильон Драгоценных Канонов... но я не хотел убивать твою семью!

— К тому же, если бы не я, ты бы не выжил! Если бы тебя тогда убили, разве ты был бы здесь сегодня?

Его жалкий вид, слёзы и сопли, смешанные с оправданиями, не вызвали ни капли сочувствия.

На лице Ши Цинъяня застыло безразличие, выжженное глубокой ненавистью.

Так и есть, в гибели его семьи было скрыто нечто большее.

Ци Чанфэн надеялся, что сможет избежать своей участи и обрести покой, но тут юноша извлёк из ножен свой белоснежный меч.

Меч Фу Фэн. Он мог разить не только живых, но и призраков. Особенно тех, кто уже пал от его клинка.

Один удар — и душа развеется прахом.

Лицо Ци Чанфэна исказилось. Он был в сотни раз напуганнее, чем на Платформе Нефритового Дракона. Когда меч был занесён над ним, его ужас сменился всепоглощающей яростью:

— Ши Цинъянь, не забывай! Зачем мы пришли в поместье Ши? — Его голос стал тише, и каждое слово звучало отчётливо. — Чтобы поздравить тебя, великого молодого господина, с днём рождения, а?

Ци Чанфэн расхохотался, его лицо исказилось в безумной гримасе.

— Ха-ха-ха-ха, ты — звезда несчастья, приносящая смерть! Ты погубил всю свою семью, а теперь хочешь погубить и других! Ты всю жизнь будешь нести лишь горе! Умри, просто умри!

Ши Цинъянь холодно смотрел на него. Его зрачки были черны, как бездна, и пугали больше, чем настоящий призрак.

Ци Чанфэн, не унимаясь, продолжал выкрикивать проклятия, пытаясь вбить их в его сознание.

На руку юноши, сжимавшую рукоять, легла другая — мягкая, прохладная и гладкая, как нефрит.

Ши Цинъянь медленно моргнул, и в его глазах прояснилось.

Чужая рука повела его руку с мечом — медленно, уверенно, — и клинок рассёк душу Ци Чанфэна сверху донизу.

— Пустая болтовня, — равнодушно произнёс Цин Чанъюй. — Уничтожить и забыть.

Душа Линъяня, видевшая всё это, затрепетала от ужаса. Он пытался отползти назад, но кровь в флаконе тянула его обратно. Его лицо выражало ещё больший страх, чем в тот момент, когда Цин Чанъюй разрывал его меридианы.

— Не... не убивайте меня, позвольте служить вам!

Но слова его были бессвязны, и было ясно, что он окончательно лишился разума.

Цин Чанъюй велел Ши Цинъяню забрать кровь Линъяня — может, ещё пригодится.

Из обрывочных слов Ци Чанфэна стало ясно, что гибель семьи Ши — не просто личная месть. Видя, что юноша не в духе, Цин Чанъюй дал ему флакон с пилюлями и велел медитировать.

На Платформе Нефритового Дракона тот, скорее всего, получил внутренние травмы.

Цин Чаньюй и сам сел медитировать, призывая духовную энергию небес и земли и прогоняя её по малому небесному кругу.

Искусство призыва душ требовало огромного количества энергии, и даже ему нужно было перевести дух. Лёгкий румянец окрасил его щёки и уголки глаз, оживив нефритовое лицо и придав ему чарующую прелесть.

Хорошо, что эти двое умерли недавно. Если бы пришлось призывать души тех, кто умер больше семи дней назад, пришлось бы платить своей жизненной силой.

Даже самый выносливый заклинатель, отдав несколько десятков лет жизни, на какое-то время ослабеет.

Придя в себя, Цин Чаньюй взглянул на стол, заваленный разноцветными безделушками. Это были подарки, брошенные на платформу теми заклинателями.

Он заметил, что один из расшитых шаров светится. Развернув его, он увидел записку на красном кленовом листе. На бумаге одно за другим проступали слова:

«Свободны ли вы, молодой господин?»

Цин Чаньюй взял кисть и написал:

«Женат, есть дети. Благодарю за внимание».

Затем он сжёг записку, оставив лишь горстку алого пепла.

[Когда это у тебя появились дети?]

Бессмертный Владыка просто пошутил и ответил невпопад:

— 001, моё сокровище?

Словно это не он совсем недавно запретил системе разговаривать на три года.

[qwq[]%[]...#...(\$#]

001, пытаясь проанализировать его слова, снова превратилась в набор бессмысленных символов. Воспользовавшись её замешательством, Цин Чаньюй спросил:

— На чём мировое сознание основывает свои задания? На «судьбе», которую оно уготовило для Дитя удачи?

В прошлой жизни его задачей была проверка нитей причинно-следственной связи. Теперь же так называемая «основная линия» состояла из цепочки заданий. Он предположил, что она тоже была сплетена из этих нитей — плотной паутины «судьбы».

[×]

[У носителя нет прав доступа]

Цин Чаньюй проигнорировал автоматическое сообщение и ткнул в окно чата.

— 001, отвечайте.

[Миру №001 нужен новый столп, то есть Дитя удачи]

[Мировое сознание сплело для него путь, ведущий к вершине, но нитей причинно-следственной связи мириады, и нет гарантии, что они будут работать идеально]

[Поэтому оно и обратилось к тебе]

Получается, Цин Чаньюй должен был, словно деталь, вставить «Дитя удачи» в механизм под названием «судьба». Механизм запустится, деталь и форма сольются, и в итоге получится «новый столп мира».

Он открыл панель заданий и спросил:

— А это третье задание он должен активировать сам?

[Задание 3: Непримируемость праведности и зла (не активировано)]

001 ответила без промедления:

[Это можно сравнить с игрой]

[Обычно после обучающей миссии игрок попадает в открытый мир, где исследует его, набирает опыт, навыки, заводит знакомства и в процессе активирует новые задания]

Третье задание требовало от Ши Цинъяня самостоятельных действий. Это была проверка,

сможет ли «деталь» работать сама и встать на предначертанный Небесным Дао путь. Если он отклонится, Цин Чаньюй, как исполнитель, сможет его поправить.

«Как бездушно»

Цин Чаньюй мысленно цокнул языком. Даже Дитя удачи не пользуется особой любовью. Поистине, небеса бесстрастны.

\*\*\*

Внезапно над Платформой Нефритового Дракона прогремел гром, и хлынул дождь.

«Оно что, и мысли слышит?»

Он насторожился.

«Я ведь не сказал ничего плохого. Великое Дао бесстрастно, таков закон природы. Какое же это мировое сознание мелочное»

Цин Чаньюй встал и закрыл окно, чтобы не слышать шума дождя.

Ши Цинъянь медитировал на кушетке. Цин Чаньюй приоткрыл глаза и проследил за потоками духовной энергии в его меридианах.

Сегодняшняя битва, хоть и выглядела тяжёлой, но юноша восстанавливался очень быстро. Благословение Дитя удачи, плюс сильные меридианы, восстановленные духовным источником и бессмертными травами.

Неплохо. Весьма вынослив. Можно не беспокоиться, что его убьют, стоит только выпустить его наружу.

[Ши Цинъяню уже девятнадцать, он не ребёнок]

— добавила 001.

[И не такой уж он и послушный]

— Ты права, — сказал Цин Чаньюй. — Надо бы отпраздновать его день рождения.

Пятнадцатого дня восьмого месяца Ши Цинъяню исполнялось двадцать. Он станет совсем

взрослым.

[...]

Она явно не это имела в виду.

<http://bllate.org/book/16005/1570495>